

ПРОИЗВОДСТВО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ ПОДМЕНЯЕТСЯ ВОСПРОИЗВОДСТВОМ ПУСТОЙ ФОРМЫ

DOI: 10.7868/50233361919090015

О том, к чему может привести абсолютизация наукометрических показателей при оценке результатов исследований в гуманитарных науках, рассказывает доктор социологических наук, заместитель директора Института социологии РАН Михаил Черныш.

– Михаил Фёдорович, одно из заседаний Учёного совета Института социологии РАН в этом году было посвящено оценке эффективности работы учёных в гуманитарной сфере. Но наверняка речь заходила и о так называемом индексе Хирша. Хорхе Хирш предложил разработанный им наукометрический индекс в 2005 году. Как вы думаете, почему этот показатель стал глобально популярен за столь короткое время? Кстати, ведь индекс Хирша исходно предназначался лишь для оценки работы физиков...

– Действительно, индекс Хирша изначально вовсе не предназначался для той роли, которую ему отвели в настоящее время. Он был разработан для ученых, работающих в области теоретической физики. Автор индекса отлично знал его слабости. Индекс зависит от численности тех, кто работает по данному научному направлению. Он зависит от стажа учёного и его статуса.

Индекс стал популярен потому, что в управлении наукой возобладала сухая административная логика. Представим

Михаил Черныш:
*“Действующий, работающий учёный
может написать в год не более двух
серьёзных статей”.*

себе управленца, которому дано задание посчитать эффективность, ну, к примеру, деятельности художника. Какой критерий эффективности он выберет? Оригинальность, талантливость или всё-таки количество? Оригинальность, талантливость сосчитать нелегко, здесь нужно привлечь профессиональных экспертов,

искусствоведов, которые к тому же не всегда сходятся во мнениях. Проще использовать количественный показатель – количество картин или их суммарную стоимость, эквивалентом данного показателя в науке стало количество статей.

В рамках того проекта науки, который реализуется в настоящее время в России, количественные показатели шаг за шагом вытесняют качественные. От совокупного числа статей зависит финансирование научного учреждения и соответственно оплата научных сотрудников. Что же в результате происходит?

Желая сохранить свой уровень заработной платы, и так невысокий, российский ученый вынужден подчиниться административной воле. В большинстве случаев он прибегает к тактике, которая носит название “копикэтинг”, – одну и ту же статью многократно дописывает, переписывает и рассылает в разные издания. Речь идёт об имитации научной деятельности, а не её реальном содержании. Производство научного знания подменяется воспроизводством пустой формы.

Давайте подумаем, как эта гонка за количеством статей скажется на молодых учёных, которые должны, прежде чем достигнут зрелости, обрести исследовательский опыт, определить свой содержательный интерес.

– Системы цитирования и ссылок существенно отличаются в различных научных дисциплинах – гуманитарных и естественнонаучных?

– Не только способы цитирования, но и сами условия гуманитарных и естественнонаучных дисциплин существенно разнятся. Вильгельм Дильтей

был одним из первых, кто провёл линию разграничения между “науками о природе” и “науками о духе”. Науки о природе изначально тяготеют к глобальному знанию, которое я бы с известной долей условности назвал “проект Web of Science”. “Науки о духе” по определению существенно чаще укоренены в “почве”, культуре и чаще ориентированы на конкретное общество, его историю и современное состояние.

Эту особенность легко отследить, если обратиться к названиям тематических социологических изданий – American Journal of Sociology, American Sociological Review, British Journal of Sociology, Polish Journal of Sociology... Разумеется, существуют и международные журналы, но их существенно меньше, чем тех, что привязаны к конкретному обществу или обществам, имеющим общие культурные основания.

Я не хочу сказать, что проблемы отечественных социологов интересны только нам, в мире есть немало учёных-социологов, относящихся с интересом к тому, что происходит в других странах, на других континентах. Речь здесь идёт не о конкретных лицах, а о публикационной политике, которой придерживаются национальные издания по общественным наукам, а политика в этой области такова – печатать прежде всего своих, давать слово тем, кто изучает своё общество.

В этом году не только Министерство образования и науки РФ, но Российский научный фонд стал отказывать российским учёным в поддержке на том основании, что они не принимают на себя обязательств публиковаться в первом международном квартале научных

Желая сохранить свой уровень заработной платы, и так невысокий, российский ученый вынужден подчиниться административной воле. В большинстве случаев он прибегает к тактике, которая носит название “копикэтинг”, – одну и ту же статью многократно дописывает, переписывает и рассылает в разные издания

изданий. Я не поленился, скачал базу данных журналов по общественным дисциплинам (SJR) и проанализировал распределение этих изданий по странам. Вышло, что 63.4% журналов по общественным дисциплинам выходят в двух странах: США и Великобритании. А в первом квартиле журналы, издающиеся в США и Великобритании, составили и вовсе 90.7%.

Другие страны представлены в первом квартиле единично, а некоторые совсем не представлены. Так, в первом квартиле совсем нет журналов, выходящих во Франции. Но кто скажет, что во Франции слабая общественная наука, что там нет блестящих учёных международного уровня?

Российским обществоведам, социологам в том числе, чиновники говорят: публикуйтесь в американских или английских журналах или мы не будем вас поддерживать. Но ведь надо учитывать, что помимо уже упомянутой "почвенности" национальных изданий существует и политический фактор, осложняющий размещение статей за рубежом. Статьи российских ученых даже к рассмотрению не примут, если в них не заявлена жёсткая критическая позиция по отношению к российской власти. Спрашивается, а понимают ли это те, кто руководит российской наукой?

Дело здесь не в том, что мы не готовы занять критическую позицию по отношению к намеренным или непреднамеренным последствиям действий властей. Для учёных важно, чтобы критика, если она звучит, имела солидные, научные основания, поддерживалась

логикой проводимых исследований, а не установками, которые навязываются ему извне.

– Это правда, что в гуманитарных науках до сих пор выше ценятся научные монографии, а не статьи? Монографическое мышление гуманитариев – реальность?

– Тот же Дильтей, а вместе с ним и многие другие исследователи отмечали, что общественные, гуманитарные науки дискурсивны по определению.

В гуманитарной сфере исследований аргументация более "языковая", пространный, чем в науках о природе.

В 1959 году известный английский писатель Чарльз Перси Сноу написал книгу под названием "Две культуры", в которой противопоставил друг другу культуру естественных наук и культуру гуманитариев. Его раздражало то, что гуманитарии слишком часто говорят о ценностях, слишком часто подчеркивают амбивалентность тех явлений, с которыми имеют дело.

Эти особенности того предмета, который изучается в общественной науке и требует от нее "больших" форм – монографий прежде всего. Не случайно самые важные, запоминающиеся работы в области общественных наук имеют форму монографий.

Однако не только монографии, но и другие формы научной деятельности важны для гуманитариев. Возьмём, к примеру, переводы. Нам говорят, зачем учитывать переводы, если всё и так есть на английском языке. Читайте по-английски, вот вам и решение ваших проблем. Проблема в том, что

Российским обществоведам, социологам в том числе, чиновники говорят: публикуйтесь в американских или английских журналах или мы не будем вас поддерживать. Но ведь надо учитывать, что помимо уже упомянутой "почвенности" национальных изданий существует и политический фактор, осложняющий размещение статей за рубежом

в общественной науке далеко не все работы, заслуживающие внимания, публикуются в англоязычном переводе. Многие важнейшие работы выходят на французском, немецком, испанском, итальянском, а сейчас и китайском языках. Если гуманитарий желает быть в курсе того, что делается в современной науке, которая развивается не только в США и Великобритании, то он должен прочитать эти работы в переводах. Как правило, переводчики – такие же учёные, такие же профессионалы и то, что они делают, – это весомый вклад в науку.

Или такая деятельность, как исследования по запросу директивных органов. Сейчас президент России предложил оценивать работу губернаторов по системе критериев. Это ответственная работа, которая имеет последствия как для конкретных регионов, так и для страны в целом. В этой работе вопреки мнению дилетантов есть методологический, фундаментальный аспект. В работе по подобным проектам принимают участие учёные, как правило, высококвалифицированные. Но отчёты, которые они готовят, ложатся на стол руководства и вряд ли когда-либо будут опубликованы в виде статей или монографий. Тратится время, расходуются силы, ресурсы, но работа никак не учитывается в существующих критериях эффективности.

А экспертная работа? Нужно ли её учитывать? Нужно ли учитывать вклад учёного в воспроизводство научных кадров – чтение лекционных курсов, руководство магистрантами и аспирантами, работу в диссертационных советах? Если не делать этого, то наука закончится на поколении ныне живущих учё-

ных. Если делать её, то это некое подвижничество. По крайней мере, именно так этот вид деятельности в настоящее время рассматривается чиновниками.

– Попытка чиновников тотально все свести к некоему числовому показателю – ведь это, помимо всего прочего, меняет сам этос науки. Наука становится “циничной”.

– Этос науки меняется потому, что эффективность науки меряется не самими учёными, а теми, кто ошибочно считает, что наука – это такая же область жизни, как, к примеру, торговля. В торговле многие показатели эффективности фиксируются количественно – закупки, продажи, прибыль. Внедрение подобных методов в науке приводит лишь к тому, что у кого-то из учёных появляется желание уехать в те страны, где отношение к производству знания более уважительное. Мы видим, что по-

ток уезжающих за рубеж учёных пока не ослабевает, а в последнее время усиливается.

Другая категория учёных пытается приспособиться к этой ситуации и делает это, поступаясь принципами, издавна регулирующими сферу научной деятельности. Ну, хорошо, говорят они себе, раз такие правила, буду делать так, как они нам предписывают. Публиковать по 10 статей в год, да, ничтожных с научной точки зрения, но зато выгодных с точки зрения предъявляемых научным учреждениям требований. Раз система настроена на то, что ставить учёным нереальные, издевательские задачи, значит, ничего не остается, как хитрить, поддакивать ей, производить имитационные продукты.

Нужно ли учитывать вклад учёного в воспроизводство научных кадров – чтение лекционных курсов, руководство магистрантами и аспирантами, работу в диссертационных советах? Если не делать этого, то наука закончится на поколении ныне живущих учёных

Такая позиция с человеческой точки зрения понятна, но, по сути, она цинична: на цинизм чиновников учёные отвечают своим цинизмом, принося в жертву содержание научного труда. Цинична эта позиция ещё и потому, что сами учёные хорошо понимают, где дельная статья, сильная монография, а где – слабенькое подобие научной работы, перепев старых мотивов, формальная отписка. Речь идёт не об ошибках, не о спаде продуктивности – о сознательном введении в заблуждение тех, кто навязывает науке невыполнимые задачи. Но помимо прочего ещё и о создании в поле науки весомого, имеющего тенденцию к росту имитационного сегмента. А теперь представьте себе, какие уроки получают в этой ситуации молодые учёные.

– Вам не кажется, что наукометрия сначала стала девиантной, а сейчас уже перешла в статус лженауки?

– Наукометрия никогда не была собственно наукой. В былые времена ею занимались сами учёные как направлением, которое сопутствует научной деятельности, которое не формирует поле научных исследований, а отражает текущее положение вещей. План по увеличению числа публикаций сродни тем показателям, которые в советское время в обилии продуцировались Госпланом. Производство непрерывно росло, а в магазинах стояли очереди. Производилось много плохой, некачественной продукции, притом что производящие ее предприятия бодро рапортовали, что планы выполняются. Чем все это закончилось, мы с вами хорошо помним.

В науке необходимо придерживаться принципа реальности. Действующий, работающий учёный может написать в год не более двух серьёзных статей. Необходимо, оценивая труд учёного, принимать во внимание весь комплекс его деятельности

– На ваш взгляд, что прежде всего нужно изменить в существующей сегодня в России системе оценки труда исследователей?

– В науке необходимо придерживаться принципа реальности. Действующий, работающий учёный может написать в год не более двух серьёзных статей. Необходимо, оценивая труд учёного, принимать во внимание весь комплекс его деятельности.

Весь этот объём работы не наблюдаем с позиций министерства, но он хорошо просматривается на уровне научного учреждения, в самом научном сообществе. Нужно больше доверять самим учёным, они, если не подвергать их прессингу, сами разберутся, кто из них эффективен, а кто нет.

– На это могут возразить: ученые могут договориться и действовать по принципу: ты мне, я тебе...

– По моим наблюдениям, это происходит в том случае, если подлинный мотив научной деятельности подменяется бюрократической логикой самосохранения любой ценой. Но пока в сообществе российских учёных те, кто так мыслит, не делают погоды. Посмотрите на то, как работает Российский фонд фундаментальных исследований. Вполне эффективно работает, а ведь оценку проектов фонда производят сами учёные. Диалог, доверие, открытость, отказ от манипуляций – вот принципы, которые помогут сохранить российскую науку. О том, что случится с ней, если победят нынешние тенденции, не хочется думать.

Беседу вёл Андрей ВАГАНОВ